
Философия перед лицом когнитивных исследований*

© 2021 г. В.А. Лекторский

*Институт философии РАН, Москва, 109240,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

E-mail: v.lektorsky@yandex.ru

Поступила 14.05.2021

Этап всемирной цивилизации, в который вступило человечество и в рамках которого оно сегодня развивается, называли информационным обществом, затем обществом знания. Сегодня всё чаще заходит речь о цифровой цивилизации. Конечно, есть отличия между информацией и знанием, а цифровизация говорит не о самой информации, а о способах ее кодирования. Нужно, однако, признать, что все эти наименования относятся по сути дела к одному феномену. Речь идет о том, что производство, распространение и использование знания (а оно, конечно, информация, хотя не каждая информация является знанием) стали играть новую и исключительную роль во всех формах человеческой жизни. В статье выделяются три типа взаимоотношений философского и научного исследования познания и сознания: 1. Философия принципиально игнорирует результаты когнитивных дисциплин, оставляя за собою работу по выявлению смыслов и норм познания и предоставляя когнитивным наукам возможность изучать механизмы когнитивных процессов. 2. Философия выступает как общая часть когнитивных исследований: «натурализация» философии. 3. Философия и когнитивные науки вступают в диалог, в котором происходит как их взаимное обогащение, так и взаимная критика. Философия при этом не теряет своего нормативного характера, так как анализирует предпосылки концепций, выдвигаемых в когнитивных науках, и оценивает их. Автор обосновывает тезис о том, что именно третий тип взаимоотношений философии и когнитивных исследований является наиболее перспективным в современных условиях.

Ключевые слова: эпистемология, когнитивные науки, антипсихологизм, феноменология, аналитическая философия сознания, натурализация эпистемологии, воплощенное познание, энактивизм.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-10-5-17

Цитирование: *Лекторский В.А.* Философия перед лицом когнитивных исследований // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 5–17.

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ: проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075-15-2020-798.

Philosophy Facing Cognitive Studies*

© 2021 Vladislav A. Lektorsky

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1,
Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

E-mail: v.lektorsky@yandex.ru

Received 14.05.2021

The stage of world civilization, into which humankind entered and within which it is developing today, was called the information society, then the knowledge society. Today, more and more people are talking about digital civilization. Of course, there are differences between information and knowledge, and digitalization speaks not about the information itself but about the ways of encoding it. However, it must be admitted that all these names are essentially related to one phenomenon. The point is that the production, dissemination, and use of knowledge (and it is, of course, information, although not every information is knowledge) began to play a new and exclusive role in all forms of human life. The author has analyzed three types of relations between philosophical and scientific study of cognition and mind: 1. Philosophy ignores the results of cognitive disciplines, as it deals with meanings and norms of cognition in distinction from cognitive sciences which study the mechanisms of cognitive processes; 2. Philosophy is considered as a general part of cognitive science: “naturalization” of philosophy; 3. Philosophy and cognitive sciences are in a constant dialogue which presupposes cross-fertilization and mutual criticism. Philosophy holds its normative role, as it analyzes the presuppositions of conceptions in cognitive sciences and evaluates them. The author argues the thesis that it is the third type of such relations that is the most fruitful.

Keywords: epistemology, cognitive sciences, antipsychologism, phenomenology, analytic philosophy of mind, epistemology, naturalized embodied, cognition, enactivism.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-10-5-17

Citation: Lektorsky, Vladislav A. (2021) “Philosophy Facing Cognitive Studies”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2021), pp. 5–17.

Новая роль знания

Деятельность человека всегда опиралась на знания. Это и многочисленные «невяные» личные знания. Это личное явное знание о своем прошлом – воспоминания, которые определяют индивидуальную идентичность. Это совокупность знаний, вырабатываемых в культуре и передаваемых от одного поколения другому: способы поведения (что можно, что нужно, что нельзя делать), знания о производстве и использовании определенных технологий, знания о мире, выраженные в лексике и грамматике определенного языка (языковая картина мира), знания об истории народа (коллективная память) и др. Так что в некотором смысле любое человеческое общество, даже

* The research was carried out with a financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Project “New tendencies of the humanities and social sciences development in the context of digitalization and new social problems and threats: interdisciplinary approach”, Agreement No. 075-15-2020-798)

устроенное самым простым образом, является «обществом знания». Недаром некоторые историки предлагают осмыслить эволюцию человечества как смену когнитивных представлений (так называемая «когнитивная история»). Когда сегодня идет речь об обществе знания или информационном обществе, то имеются в виду вот такие факты, которых не было в прошлом.

Наука, существовавшая со времен Античности (математика, астрономия, своеобразная механика) и ставшая интенсивно развиваться в Новое время (новое понимание математики и физики, биология и др. дисциплины), до поры до времени не слишком сильно взаимодействовала с технологиями, хотя принципиальная возможность такого взаимодействия появилась уже в XVII в., когда возникло экспериментальное естествознание, использующее инструменты и приборы. Наука была интересна прежде всего самим ученым и философам, которые пытались понять, как устроен мир. Технологическое применение получаемых знаний не особенно занимало многих из них. Учеными двигали познавательные интересы, а последние всегда имели самостоятельную ценность. Научное знание распространялось прежде всего в кругу специалистов, дискуссии о новых теоретических идеях и экспериментальных результатах затрагивали весьма узкую группу людей. Широкая публика относилась к ученым с почтением, но не пыталась понять, а тем более использовать научное знание. Правда, эта ситуация стала постепенно меняться. В школах начали преподавать основы естественных наук. Некоторые результаты, полученные в науке, использовались для производства технологий. Но во второй половине XX в. возник принципиально новый феномен: получаемое в науке знание стало самым тесным образом срачиваться с производством технологических инноваций, возникла «технонаука». А последняя коренным образом трансформирует окружающую природу и жизненный мир человека. На основе научных разработок появились информационные технологии, которые создали возможность передачи самых разнообразных знаний из одного региона Земли в другой, из одной культуры в другую. Появились Интернет, сотовый телефон. Возникло информационное общество, общество знания. Цифровизация – это современный этап информационного общества. Кодирование информации (и знания) в цифровой форме колоссально ускоряет ее передачу и тем самым создает новые возможности для ее применения. Деятельность по производству нового знания и его использования в виде технологических разработок стала во многом определять все социальные процессы: экономические, политические, военные, культурные. Наука превратилась в важнейшую сферу жизнедеятельности, в которой занято множество людей, появились крупнейшие научные междисциплинарные проекты: Mega-Science. Деятельность по производству нового знания в науке становится важнейшим государственным приоритетом: от успешного развития науки и наукоемких технологий зависит будущее страны. Конечно, наука в своих глубочайших изысканиях продолжает оставаться загадочной для большинства (да и сами ученые сегодня плохо представляют себе то, что делается в других научных дисциплинах, а нередко и в своей собственной, если это выходит за круг их узких исследовательских интересов). Вырабатываемое наукой знание превращается в личное лишь для определенной группы специалистов и остается чуждым для всех, кто в эту группу не входит. Зато практически все сталкиваются с результатами научных изысканий в виде новейших технологических установок: от атомной бомбы и способов переделки природы до современных информационных (цифровых) технологий и вакцин против коронавируса. Широкая публика относится к науке, с одной стороны, с глубочайшим уважением и ожиданием, а с другой, с некоторым опасением: неизвестно, какую еще новую технологию придумают ученые, непонятно, как это повлияет на жизнь обычного человека. Этот всплеск ожиданий и опасений особенно характерен в отношении последнего этапа научного развития, когда передовым фронтом становятся науки о человеке. В свое время К. Леви-Строс сказал, что XXI в. будет веком наук о человеке – в противном случае человека не будет. Кажется, сегодня его предвидение подтверждается.

Познание как предмет научного исследования

Конечно, наука и раньше имела дело с человеком. Давно существуют медицинские науки, исследование анатомии и физиологии человека. С конца XIX в. стала успешно развиваться экспериментальная психология, изучавшая отдельные явления сознания и разные виды познавательной деятельности, начиная от ощущений и восприятий и кончая мышлением, а затем и разные формы поведения. Гуманитарные науки анализировали разные формы культурных объективаций: язык, право, политические структуры, культурные обычаи и т.д. Однако все они не касались таких коренных условий жизни человека, как природа сознания, характер субъективной реальности и «Я» в качестве его центра, как феномен свободы воли, способы осмысления мира, нормы познавательной деятельности, моральные нормы. Считалось, что это вопросы, выходящие за компетенцию науки (и о природе, и о человеке) и относящиеся к тому кругу проблем, которыми занимается философия. Сегодня ситуация серьезно изменилась. Специальные науки стали изучать те проблемы, которые до недавних пор считались прерогативой философии. Они начинают претендовать на понимание самой природы человека и в духе современной «технонауки» рекомендовать способы изменения этой природы.

Примерно 50 лет тому назад возникло междисциплинарное движение, получившее название когнитивной науки (Cognitive Science). Его появление стало возможным в результате разработок в области искусственного интеллекта: имитации человеческих познавательных процессов с помощью вычислительной техники. Идея о том, что естественный интеллект не просто может имитироваться таким образом, но что он по своей сути является не чем иным, как сложно устроенным вычислением, была воспринята как рядом психологов (появилась когнитивная психология), так и некоторыми лингвистами, специалистами в области нейронауки, другими учеными. В рамках когнитивной науки стало возможным взаимодействие разных дисциплин: как эмпирических и экспериментальных, так и теоретических. Это было определено тем обстоятельством, что дисциплины, вошедшие в когнитивную науку, исходили из следующих двух установок: 1. Все познавательные процессы могут быть поняты как вычисления. 2. Последние осуществляются на носителях информации – ментальных репрезентациях.

Казалось бы, когнитивная наука отбирает у философии те проблемы, которые последняя всегда обсуждала. В действительности ситуация обстоит вовсе не так. Если речь идет о разработке конкретной научной теории, о проведении экспериментов на той или иной теоретической базе, о технологическом использовании научных результатов, то к философии можно и не обращаться. Но как сегодня ясно всем, кто изучает науку, научная теория существует не сама по себе, а строится в рамках той или иной исследовательской программы. Последняя же включает картину мира с ее метафизическим ядром, то есть концепцией неких предельных оснований мироустройства. И формулировка метафизического слоя научной исследовательской программы – это вступление на почву философии, что предполагает учет наработок в этой области, включение в делящиеся веками философские дебаты. Когда были заложены основания классической механики в XVIII в., метафизические основания новой картины мира стали предметом дискуссий (хотя Ньютон предупреждал физику от метафизики, сам он не последовал собственному совету). Тем более философские споры разгорелись в XX в., когда в физике возникли революционные представления о пространстве, времени, причинности, о возможности познания явлений микромира, когда зашаталось основания математического знания. И физики начали читать Платона и Аристотеля, а математики Канта.

Упомянутые два основания возникшей когнитивной науки определенно предполагали философскую интерпретацию. Прежде всего нужно было выяснить, что следует понимать под вычислением? Ведь это не просто математический, но также и философский вопрос. Какие вычисления вообще возможны? Можно ли непрерывные процессы понять как вычислительные? Можно ли взаимодействие между нейронами в головном мозгу при переработке когнитивной информации истолковать как вычисление?

А интенциональность (специфическая особенность актов сознания), а феноменальный характер сознания (так называемая проблема «квалиа»), а интроспекцию, то есть осознание состояний своего сознания?

Что же касается ментальных репрезентаций, то нужно было определить отношение носителей информации, над которыми производятся вычисления (так понимаются ментальные репрезентации в когнитивной науке) к тем репрезентациям, которые давно исследовались в философии и о характере которых философы вели и ведут споры: восприятия, представления, понятия, суждения (пропозиции), категории, когнитивные схемы и др., в том числе к спору так называемых презентационистов и репрезентационистов. Недаром философия одной из первых была включена в число дисциплин, образовавших когнитивную науку, и именно философы стали в ней главными теоретиками.

Это, например, известный американский философ Х. Патнем, который в начальный период развития когнитивной науки сформулировал исследовательскую программу функционализма, согласно которой все ментальные состояния (не только когнитивные в узком смысле слова, но и такие, как желания, намерения, эмоции и т.д.) могут быть поняты в качестве функций других состояний (ментальных и не-ментальных) агента познания и действия [Putnam 1980]. Функционализм стал философским обоснованием вычислительного понимания ментальности. Из такого подхода вытекает ряд важных следствий относительно характера исследований в рамках когнитивной науки и взаимоотношения входящих в нее дисциплин. Ведь, согласно функционализму, природа ментального состояния определяется только его функцией, которая может пониматься как вычисление и не зависит от того, на каких носителях эта функция реализуется (тезис о «множественной реализуемости ментальных состояний»). Это значит, что, например, одно и то же функциональное состояние восприятия мира будет одним образом реализовано сенсорным аппаратом и мозгом человека, другим образом осуществлено нервной системой моллюска, совсем иначе в соответствующем устройстве космического пришельца и, наконец, совершенно по-своему в искусственных интеллектуальных системах. Но в соответствии с подобным пониманием исследование ментальных состояний человека никак не зависит от изучения процессов переработки информации нейронными структурами головного мозга: когнитивная психология может использовать в качестве объясняющих моделей результаты разработок в области искусственного интеллекта и вовсе не обязана считаться с исследованиями нейронаук: ведь мозг человека с точки зрения функционализма – это лишь один из многих способов реализации ментальных состояний.

Другой американский философ – Дж. Фодор, развивая идеи в рамках функционализма, выдвинул теорию врожденного языка мысли, который определяет правила переработки информации когнитивной системой человека и может быть уподоблен программе компьютерного устройства. Как компьютер сам по себе не имеет дела со смысловым характером перерабатываемой информации (этот смысл возникает при интерпретации результатов этой работы человеком), так и мозг человека, согласно Фодору, имеет дело исключительно с формальными, а не с содержательными характеристиками информации, то есть не с семантикой, а лишь с синтаксисом. Поскольку семантика задается отношением ментальных репрезентаций к внешнему миру, когнитивная наука с этой точки зрения не рассматривает отношение репрезентаций к миру, то есть как бы допускает возможность для своих целей занять своеобразно истолкованную позицию солипсизма, критике которого было уделено столь много внимания в истории философии. Это так называемый «методологический солипсизм», который Фодор провозгласил «методологической стратегией когнитивной науки» [Fodor 1981]. По мнению Фодора, вообще многие идеи, связанные с пониманием познания и сознания и сформулированные первоначально в чисто философской форме, получают вторую жизнь в когнитивной науке, где они, не теряя философской сущности, используются в качестве глубинного обоснования исследовательских программ. Философия обретает новые способы существования: конкуренция исследовательских программ в когнитивной науке выражает также конкуренцию философских концепций, лежащих в их основаниях.

Между тем новые программы в когнитивной науке продолжали появляться. В начале 1980-х гг. стал популярен так называемый коннекционизм, опирающийся на представления о том, что ментальные состояния возникают в результате не последовательного, а параллельного и распределенного процесса переработки информации [Smolensky 1988]. Если первые программы в когнитивной науке использовали наработки в области символической логики (пережившей взлет в XX в.) и философские идеи о ментальных репрезентациях, пропозициях, пропозициональных установках и способах рассуждений, обсуждавшихся в аналитической философии первой половины XX в., то коннекционистская программа опиралась на другие традиции: философский эмпиризм, сенсуализм, индуктивизм и психологический ассоцианизм, идущие от Дж. Локка, Д. Беркли и Д. Юма. Правда, эти традиции получили существенно новый вид с помощью разработки моделей искусственных нейронных сетей и представления о характере передачи сигналов от одних групп нейронов другим. Появление коннекционистской программы породило дискуссии о том, насколько универсален вычислительный подход в анализе когнитивных процессов, о том, можно ли принимать идеи Фодора о врожденном языке мысли, о том, существуют ли вообще ментальные репрезентации, а если существуют, то в какой форме.

Результаты, полученные в исследовании работы мозга и в выявлении связи нейронных структур с субъективно переживаемыми ментальными состояниями к началу 1990-х гг., заставили большинство исследователей в когнитивной науке отказаться от функционалистской программы и от тезиса о множественной реализуемости когнитивных процессов. На одно из первых мест выдвинулась когнитивная нейронаука. Стала популярной идея о том, что именно результаты в рамках этой науки помогут создать искусственный сверх-мозг и на этой основе понять природу человеческой субъективности, расшифровать способы мозгового кодирования информации и в итоге создадут возможность читать чужие переживания и мысли с помощью доступа к мозгу другого человека. Понятно, что, если бы можно было осуществить нечто подобное, последствия для жизни человека были бы неописуемы.

Между тем, в последние 20 лет в когнитивных исследованиях становится всё более влиятельным другой подход, который исходит из того, что само по себе изучение работы нейронных сетей, сколь бы детальным оно ни было, не может дать ответ на вопрос о природе сознания, ибо последнее определяется не просто работой мозга (хотя без этой работы оно невозможно), а отношением познающего и действующего агента к внешнему миру, включающему как мир природного окружения, так и в случае человека мир, созданный самим человеком, – мир культуры. Этот подход получил название 4E Cognition, что расшифровывается как понимание познания и сознания в качестве Embodied (телесно-воплощенного), Embedded (вписанного в среду), Enacted (связанного с действием) и Extended (расширенного – это относится к человеку и к использованию им в познавательной деятельности разнообразных искусственных предметов). Подход 4E Cognition становится сегодня всё более популярным в философии сознания, эпистемологии, в когнитивной психологии, когнитивной лингвистике [Chemero 2009]. Даже в когнитивной нейронауке появилось новое направление – культурная когнитивная нейронаука, исходящая из того, что человеческий мозг – не просто биологическое, но и культурное образование: биоартефакт. Основатели этого направления использовали философские идеи французского феноменолога М. Мерло-Понти, философско-психологическую концепцию понимания психики выдающегося советского психолога Л.С. Выготского, опиравшегося на философские идеи Маркса, а также «экологический подход» к пониманию восприятия, разработанный американским психологом Дж. Гибсоном (этот подход очень близок культурно-историческому и деятельностному пониманию познания и сознания, который успешно разрабатывался в отечественной философии и психологии во второй половине XX в.). В связи с развитием когнитивных исследований в рамках 4E-подхода стали интенсивно обсуждаться такие философские темы, как взаимоотношение эпистемологического конструктивизма и реализма (как научного, так и наивного), связь сознания, познания и действия, статус «Я»,

границы познающего агента (в частности, можно ли включать в него некоторые внешние предметы – проблема «киборгизации»), вообще взаимоотношение естественных и искусственных процессов и др.

Исследование когнитивных процессов на протяжении последних 50 лет так и не привело к созданию единой когнитивной науки, о чем когда-то мечтали ее основатели. Сегодня многие предпочитают говорить не о единой когнитивной науке, а о когнитивных науках. Тем не менее нужно признать, что в рамках междисциплинарного когнитивного движения возникло интенсивное и плодотворное взаимодействие между такими дисциплинами, например между лингвистикой и нейронаукой, или же между психологией и разработками в области искусственного интеллекта, которое невозможно было представить себе в совсем недавнем прошлом. И все когнитивные дисциплины выходят на философскую проблематику. В этой связи философия как бы втягивается в новое проблемное поле, которое заставляет менять некоторые привычные формы ее деятельности.

Но вот нужно ли это самой философии? Могут ли новые идеи и новые эмпирические факты в рамках когнитивных исследований повлиять на те представления о познании, сознании, познающем «Я», которые были выработаны в философии за последние 300 лет (именно в это время – после так называемого «эпистемологического поворота» Декарта – исследование познания и сознания стало для нее центральным)? И если могут, то каким образом? Нужно ли отбросить традиционные философские наработки в свете новых научных данных или же, может быть, наоборот – критически оценить сами эти данные на основании тех идей, которые выработала философия? По этому вопросу существуют по крайней мере три позиции, которые я попробую рассмотреть.

Исследование познания и ментальности как прерогатива философии

Первая из них связана с традицией так называемого «антипсихологизма» в философском понимании познания и сознания. Нужно сказать, что эта позиция оформилась только начиная с И. Канта. До этого философский анализ познания и сознания понимался в единстве с его изучением в эмпирической психологии. Именно так интерпретировали свои работы Д. Локк, Д. Беркли и Д. Юм, последний даже считал, что использует экспериментальный метод в своих изысканиях. Неслучайно предложенная Беркли теория зрительного восприятия, в рамках которой обосновывалась идея связи зрительных и осязательных ощущений, повлияла на психологическое изучение зрения, а произведенная Юмом классификация типов ассоциаций ощущений была использована психологией, когда она стала экспериментальной наукой в последней трети XIX в.

Позиция И. Канта в этом отношении была, как известно, принципиально иной. Психология, по Канту, может лишь эмпирически изучать отношения между отдельными субъективными переживаниями, при этом, с точки зрения Канта, находить на этом пути устойчивые зависимости очень сложно, поэтому он отказывает психологии в статусе полноценной науки. В отличие от психологии трансцендентальная философия выявляет необходимые условия того, чтобы тот или иной результат когнитивной деятельности считался познанием. Зная эмпирические зависимости в познании, можно, например, ответить на вопрос, почему тот или иной человек впал в ошибку: не отличил иллюзию от реальности, сделал неверный вывод и т.д., а философия формулирует всеобщие и обязательные нормы познавательной деятельности, коренящиеся в структуре трансцендентального субъекта. Иными словами, психология имеет дело с эмпирическими фактами, а философия в ее трансценденталистском понимании – со смыслами и нормами¹. Ясно, что в случае принятия кантовской установки разговор между философией и когнитивными научными исследованиями невозможен.

В принципе, то же можно сказать и о возникшей в начале XX в. трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля. Философ, с точки зрения последнего, с помощью

особых методов (эйдетическая редукция, трансцендентальная редукция и др.) выявляет сущностные структуры сознания, в центре которого находится Трансцендентальное Я. Эти структуры, согласно такому пониманию, предполагаются каждым конкретным актом познания или осознания. Феноменология – это «Эгология» – учение о «чистом Я». Она противопоставляет так называемой «естественной установке», из которой исходит как обыденный здравый смысл, так и вся наука. Последние имеют дело с причинными зависимостями. Между тем, феноменология исследует первичные смыслы опыта. Она считается принципиально беспредпосылочной и антипсихологичной, как бы ни понималась психология. Феноменологическое интуитивное «узрение эйдосов», по Гуссерлю, это не то же самое, что эмпирическая интроспекция, использовавшаяся в психологии в качестве главного метода в конце XIX и начале XX вв. С точки зрения классической феноменологии философия и научные когнитивные исследования это принципиально разные способы изучения сознания и познания.

Критика психологизма в исследовании знания и познания была своеобразно продолжена в таком влиятельном на протяжении всего XX в. направлении, как аналитическая философия. Если Кант и Гуссерль пытались выявлять сущностные структуры познания с «позиции от первого лица», то есть обращаясь к исследованию сознания с точки зрения внутренней данности его носителю, то аналитическая философия принципиально иначе представляет характер философской деятельности. Философы-аналитики занимают в отношении исследуемого объекта «позицию от третьего лица». Философия, согласно этому пониманию, занимается анализом не сознания, а языка под углом зрения его логического характера. Логические позитивисты, доминировавшие на первых порах в аналитической философии (Р. Карнап и др.), считали, что философ в отличие от представителей конкретных наук, как математических, так и фактуальных, изучает логическую структуру языка науки и в этой связи формулирует принципы осмысленности высказываний. В соответствии с этими принципами, как они считали, не только большинство утверждений в традиционной философии, но и некоторые положения, принимаемые в науке (физике, биологии), оказываются бессмысленными. Затем в рамках аналитической философии стала популярной идея, стимулированная работами позднего Л. Витгенштейна, что философ занимается выявлением «логической грамматики» не научного, а обыденного языка. С точки зрения философов-аналитиков, понимание того, что является знанием, определяется не тем, как познающий человек переживает собственные ментальные состояния, и не тем, как исторически развивалась наука, а критериями осмысленности, которые содержатся в языке. При этом, как считали аналитики, психология, претендовавшая на изучение когнитивных процессов, как раз не соответствовала этим критериям. Она пыталась изучать субъективный мир с помощью интроспекции («позиция от первого лица»). Но приватного языка не существует, подчеркивали эти философы, язык публичен по своей природе. То, что психологи представляли в качестве описания внутреннего мира, в действительности согласно этой точке зрения является выражением способов речевой коммуникации между людьми. По Витгенштейну, философия может сказать больше о психической жизни, чем психология. Для того чтобы выяснить взаимоотношения между основными состояниями сознания, достаточно философского анализа различного рода языковых игр, в которых акты коммуникации вплетены в действия и сами выступают как действия. Психологический эксперимент мало что может дать в этом отношении, ибо основные проблемы, связанные с пониманием человеческой ментальности, имеют чисто концептуальный характер и решаются посредством философского анализа [Wittgenstein 1980].

Такой последователь Витгенштейна, как Г. Райл в своей знаменитой книге «Понятие сознания» пытался показать, что многие проблемы, изучаемые в психологии, в действительности являются мнимыми, так как были сформулированы на основе неправильного понимания логической грамматики языка [Ryle 1949]. Так, например, исследовавшаяся в психологии (в том числе экспериментально) проблема взаимоотношения ощущений и восприятий является, по Райлу, мнимой и возникает в результате

категориальной ошибки. В наши дни П. Хакер критикует с этих позиций современную когнитивную нейронауку [Bennett, Hacker 2003].

Нужно сказать, что в наши дни аналитическая философия претерпела существенные изменения. Сегодня большинство философов, относящих себя к этой традиции, считают, что концептуальный анализ направлен вовсе не на язык, а на выявление необходимых характеристик самой реальности: как объективного мира, так и мира сознания. Метафизическая проблематика, в борьбе с которой и появилась аналитическая философия в начале XX в., снова интенсивно обсуждается. При этом считается, что специальные когнитивные исследования важны и нужны. Но они с этой точки зрения выявляют причинные механизмы когнитивных процессов: идет ли речь о когнитивной психологии, когнитивных нейронауках или когнитивной лингвистике. Однако смысл того, что исследуется в этих дисциплинах, определяется именно в философии: природа сознания, его виды и формы, «квалиа», интенциональность, связь психических состояний и процессов в мозгу (mind-body problem), характеристики знания, способы его обоснования и др.

На всем протяжении аналитическая философия в качестве средства анализа использовала логику: сначала в виде символической, а затем как своеобразную «неформальную». Один из основателей этого движения Б. Рассел был классиком логики XX в. Философы-аналитики считают, что использование логического аппарата отвечает за аргументированность, обоснованность, ясность и строгость получаемых ими результатов.

«Натурализация» эпистемологии и философии сознания

Однако существует и другая позиция по этому вопросу. Ряд философов в наше время пришли к выводу о том, что нужно отказаться от тех способов исследования познания и сознания, которые использовались не только в традиционной, но и в новейшей аналитической философии. Дело в том, считают эти философы, что притязания на выявление необходимых зависимостей в структуре познания и сознания с помощью особых не эмпирических (концептуальных, выглядящих как априорные) процедур, не подтверждаются как развитием самой философии, так и результатами современных когнитивных наук.

Так, например, обстоит дело с претензиями аналитической философии на раскрытие логической структуры языка, выявление смысла используемых понятий и на решение таким способом проблем эпистемологии, философии сознания, онтологии, моральной философии. Философы-аналитики считают, что эта структура и эти смыслы достаточно легко раскрываются (эксплицируются, рационально реконструируются), стоит лишь применить соответствующие логические средства. Однако в действительности, как показывает история этой философии в XX в., выявить «подлинную» логическую структуру языка или эксплицировать смысл соответствующих понятий оказалось отнюдь не легче, чем решать сложнейшие метафизические и эпистемологические проблемы, дискуссия о которых ведется веками. Рассуждения философа-аналитика могут выглядеть достаточно строгими в пределах тех допущений, из которых он исходит (выбор соответствующих фактов, представляющихся очевидными, – они считаются интуициями здравого смысла, – и использование определенных логических средств анализа). Вопрос, однако, в том, какие именно интуиции считать релевантными для решения соответствующей проблемы и какой логический инструментарий использовать в качестве средства. Как раз по этим вопросам ведутся ожесточенные споры на протяжении всей истории аналитической философии. Понимание того, что считать анализом, у Б. Рассела было иным, чем у другого основателя аналитического движения Дж. Мура, другим оно было у Р. Карнапа. Л. Витгенштейн предложил свое понимание аналитической философской деятельности, а П. Стросон еще одно. В действительности, разные философы-аналитики не эксплицируют содержание соответствующих интуиций, на что они претендуют, а строят объяснительные модели, как правило,

не совместимые друг с другом (при этом меняются и представления о возможных правилах логической аргументации). Поэтому нет согласия относительно того, что следует считать хорошим результатом анализа. Сегодня становится ясным, что дело не только в том, какие интуиции здравого смысла использовать в качестве основы аналитической деятельности, но и в том, что развитие современных когнитивных наук ставит под сомнение целый ряд интуиций такого рода. И это связано с важнейшим принципом этих исследований: большая часть когнитивных процессов осуществляется бессознательно, а то, что осознается как интуитивно-очевидное, в некоторых случаях может быть заблуждением.

Приведу в этой связи лишь некоторые факты, которые сегодня горячо обсуждаются в когнитивных науках. Был, например, открыт так называемый феномен «слепого зрения» (blindsight): у человека с поврежденным зрительным нервом отсутствует осознаваемое зрительное восприятие, тем не менее он может некоторым образом распознавать окружающую среду именно с помощью визуальной информации [Weiskrantz 1998]. Американский специалист в области нейронаук Б. Либет экспериментально продемонстрировал, как он считал, что некоторым сознательно принимаемым решениям предшествуют несознаваемые процессы в коре головного мозга, которые и ведут к этим решениям – на этом основании он сам и многие другие сделали вывод о том, что представления о свободе воли и о «Я», управляющем человеческими действиями, не более чем иллюзия сознания [Libet 1999]. Нейрофизиолог М. Газзанига на основании экспериментов с расщеплением мозга человека на два полушария сформулировал тезис о несуществовании единого «Я» [Gazzaniga 1995]. Ряд философов пришли к мнению о том, что именно когнитивные науки могут дать ответ на вопросы о природе познания и сознания и что философия должна быть понята как общая теоретическая часть этих наук.

В общей форме эту идею высказал известный американский философ и логик У. Куайн еще в конце 1960-х гг. [Quine 1969]. С его точки зрения, эпистемология (теория познания) должна отказаться от нормативизма, на что она всегда претендовала, и свестись к обобщению данных наук о нервной деятельности и психологии. Подобную программу в исследовании познания Куайн назвал «натурализованной эпистемологией». В 1980-х гг. Д. Деннет развивал идею о том, что разработки в области искусственного интеллекта нужно рассматривать как современную философию и психологию [Dennett 1981]. В наши дни популярным стал проект так называемой нейрофилософии, предложенный супругами Патрисией и Полом Чёрчлендами [Churchland P. 1986]. С их точки зрения, принципиальный дефект исследования когнитивных процессов и ментальных состояний, осуществляемый в аналитической философии, связан с тем, что она исходит из некоторых интуиций здравого смысла и «народной психологии» (folkpsychology): мысли, предположения, желания, намерения и т.д. Между тем, считают супруги, ничего подобного нельзя обнаружить при научном исследовании головного мозга человека. Вычислительная когнитивная нейронаука, согласно Чёрчлендам, заставляет отнести к этим понятиям здравого смысла так же, как в свое время научная химия обошлась с понятием флогистона: просто выкинуть их, признать заблуждением. В рамках нейрофилософии предлагается пересмотреть и основные понятия философии науки, в частности, понять научную теорию по аналогии с нейросетью.

Философия в диалоге с когнитивными исследованиями и глобальной цифровизацией

Конечно, мы можем обманываться в некоторых случаях в отношении мира и даже самих себя. Нельзя не признать, что наука в XX и XXI вв. в самом деле открыла немало нового в понимании сложности субъективного мира человека, в частности взаимоотношения в нем осознаваемых и несознаваемых процессов: психоанализ, когнитивные науки. Но нельзя же допустить, что человек постоянно пребывает в мире иллюзий! Если бы было верно последнее, он просто не мог бы выжить. Между тем, нужно

признать, что, в общем и целом, человечество развивалось достаточно успешно. Это значит, что большинство интуиций здравого смысла о мире и самом себе, рефлексией над которыми занималась философия, не случайны. Поэтому разрыва между философскими наработками и результатами когнитивных исследований не может быть.

К такому выводу пришел известный чилийско-французский исследователь Ф. Варела, сформулировавший новую, сегодня весьма популярную программу в когнитивной науке: «воплощенное» познание (*embodied cognition*) [Varela, Thomson, Rosh 1991]. Философские основания для понимания сознания в когнитивной науке Варела усмотрел в том варианте феноменологии, который разработал М. Мерло-Понти. И в этом русле возникли такие совершенно немыслимые для основателя феноменологии Гуссерля программы, как «натурализованная феноменология» и «нейрофеноменология» [Gallagher, Janz, Reinerman, Trempler 2015]. Издается популярный журнал «Феноменология и когнитивная наука» (*Phenomenology and Cognitive Science*). Американский философ Э. Голдмэн считает необходимым при исследовании когнитивных феноменов сочетать методы аналитической философии, позволяющие эксплицировать интуиции здравого смысла, и результаты когнитивных научных исследований, с помощью которых можно критически оценить эти интуиции и выбрать из них те, которые релевантны для понимания соответствующих процессов [Goldman 1986; Goldman 1992]. Интересны результаты соединения концептуального анализа с идеями экологического подхода в психологическом исследовании восприятия, а также результатами психологии развития в изучении парадоксов самосознания [Bermudez 1998].

А. Ноэ использует результаты когнитивных наук в анализе сознания и вместе с тем критически оценивает некоторые программы в области нейронауки, используя методы философского концептуального анализа [Noë 2009]. Я. Хакинг пытается показать исторический характер тех интуиций, из которых исходит философский анализ, в рамках концепции исторической эпистемологии и исторической онтологии [Hacking 2002]. В изучении сознания и познавательных процессов философия и когнитивные исследования вступают в плодотворный диалог, ибо речь идет как о взаимном обогащении, так и о взаимной критике.

Нужно заметить, что исторически философия всегда занималась не просто анализом очевидностей здравого смысла, но выявлением предельных оснований познания и деятельности. Она пыталась критически оценить повседневный мир и выйти за пределы принятых культурных стереотипов, создавая новые способы интеллектуальной и практической деятельности. Выстраивая картину мира, она всегда пыталась не только отделить ее от мира обыденных представлений, но и найти переходы между ними: как в понимании реальности, так и в отношении того, что человек должен делать. Важно было найти мосты между этими мирами и миром, рисуемым наукой, особенно тогда, когда научная картина мира стала предельно удаленной от жизненного мира. Дж. Беркли не просто описывал возникновение представлений и понятий из совокупности ощущений, а претендовал на оценку только что появившейся тогда классической механики, в частности, критиковал представления Ньютона о существовании абсолютных пространства и времени – эта критика была оценена только в XX в. Кант не просто выявлял условия возможности обычного опыта, но и пытался показать, почему возможны математика и естествознание, почему невозможна метафизика в ее традиционном понимании и почему психология не может быть полноценной наукой. Современная философия строит концептуальные модели, в которых пытается учитывать как интуиции обычного опыта относительно мира и сознания, так и результаты когнитивных исследований, выявлять имеющие при этом противоречия и предлагать способы их снятия.

Важно в этой связи подчеркнуть следующее обстоятельство. При определенном понимании натурализации эпистемологии она не растворяется в когнитивной науке, а взаимодействует с нею и при этом не теряет нормативного характера, ибо не просто использует в своих интересах концепции, выдвигаемые в когнитивных исследованиях, а анализирует их предпосылки и оценивает их [Лекторский 2017]. Диалог философии

и когнитивных исследований хорошо соответствует отечественным традициям. Во второй половине XX в. в нашей стране было налажено плодотворное сотрудничество философов и психологов, при этом многие идеи новейшего направления в когнитивных исследованиях – 4E Cognition – не столь уж новы для нас, так как близки к тому, что у нас называлось культурно-историческим и деятельностным пониманием познания и сознания (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, В.В. Давыдов и др. психологи, Э.В. Ильенков, Ф.Т. Михайлов, Г.П. Щедровицкий, В.С. Стёпин, В.С. Швырёв и др. философы, включая автора этих строк [Lektorsky 2020]).

Глобальная цифровизация, новые информационные технологии, возникшие на основе разработок в области искусственного интеллекта и когнитивных наук, взламывают привычный жизненный мир. Перспективы человека во многом связаны с тем, какую роль сможет играть философия в осмыслении созданной наукой и техникой новой ситуации и в ценностной ориентации в ней. Философия – дитя культурных кризисов. Сегодня звездный час философии.

Примечания

¹ Поэтому неверно считать кантовский априоризм разновидностью теории врожденности познавательных структур. Последний вопрос решается на основе эмпирического изучения – сегодня эта тема интенсивно обсуждается в когнитивных исследованиях, в частности в связи с идеями о «врожденном языке мысли» Дж. Фодора, в когнитивной психологии и в когнитивной психолингвистике (в последней – в связи с идеями «генеративной грамматики» Н. Хомского). Накоплен большой эмпирический материал по этому вопросу. Кантовское понимание априоризма лежит вне плоскости этих споров: ведь, по Канту, даже те исследователи, которые отрицают врожденность каких бы то ни было когнитивных образований, исходят из наличия необходимых смысловых предпосылок и норм познавательной деятельности, а последние, по Канту, не могут не быть априорными.

Источники – Primary Sources

- Churchland, Patricia S. (1986) *Neurophilosophy: Toward a Unified Science of the Mind-Brain*, MIT Press, Cambridge.
- Dennett, Daniel C. (1981) *Brainstorms: Philosophical Essays on Mind and Psychology*, MIT Press, Cambridge.
- Fodor, Jerry A. (1981) *Representations: Philosophical Essays on the Foundations of Cognitive Science*, MIT Press, Cambridge.
- Goldman Alvin I. (1986) *Epistemology and Cognition*, Harvard University Press, Cambridge.
- Putnam, Hilary (1980) “The Nature of Mental States”, Block, Ned, ed., *Readings in Philosophy of Psychology*, Vol. 1, Harvard University Press, Cambridge, pp. 223–231.
- Ryle, Gilbert (1949) *The Concept of Mind*, University of Chicago Press, Chicago.
- Smolensky, Paul (1988) “On the Proper Treatment of Connectionism”, *Behavioral and Brain Sciences*, Vol. 11, pp. 1–74.
- Wittgenstein, Ludwig (1980) *Remarks on Philosophy of Psychology*, Vol. 1–2, Oxford University Press, Oxford.

Ссылки – References in Russian

Лекторский 2017 – Лекторский В.А. Человек и культура. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов.

References

- Bennett, Max, Hacker Peter (2003) *Philosophical Foundations of Neurosciences*, Blackwell, Oxford.
- Bermudez, Jose Luis (1998) *The Paradox of Self-Consciousness*, MIT Press, Cambridge.
- Chemero, Anthony (2009) *Radical Embodied Cognitive Science*, MIT Press, Cambridge.
- Gallagher, Shaun, Janz, Bruce, Reinerman, Lauren, Trempler, Jörg (2015) *A Neurophenomenology of Awe and Wonder. Toward a Non-reductionist Cognitive Science*, Palgrave- Macmillan, London.
- Gazzaniga, Michael S., ed. (1995) *The Cognitive Neurosciences*, MIT Press, Cambridge.
- Goldman, Alvin I. (1992) *Liaisons: Philosophy Meets the Cognitive and Social Sciences*, MIT Press, Cambridge.

Hacking, Ian (2002) *Historical Ontology*, Harper University Press, London.

Lektorsky, Vladislav A. (2017) *The Human being and Culture*, SPb Universitet profsojuzov, Saint-Petersburg (in Russian).

Lektorsky, Vladislav A. (2020) “The Human being in the context of contemporary cognitive sciences and the Russian tradition”, *Studies in East European Thought*, Vol. 73 (1), pp. 19–50.

Libet, Benjamin (1999) “Do we have free will?”, *Journal of Consciousness Studies*, Vol. 6, pp. 47–57.

Noë, Alva (2009) *Out of our Heads*, Hill and Wang, New-York.

Quine, Willard Van Orman (1969) *Ontological Relativity and Other Essays*, Columbia University Press, New-York.

Varela Francisco J., Thomson, Evan, Rosh, Eleanor (1991) *The Embodied Mind*, MIT Press, Cambridge.

Weiskrants Lawrence (1998) *Blindsight: A Case Study and Implications*, Oxford University Press, Oxford.

Сведения об авторе

ЛЕКТОРСКИЙ Владислав Александрович –
доктор философских наук, академик РАН,
профессор, главный научный сотрудник
Института философии РАН.

Author’s Information

LEKTORSKY Vladislav A. –
DSc in Philosophy, Full Member
of the Russian Academy of Sciences, professor,
Main Research Fellow at the Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.